

Правовой статус родителей в эпоху новых репродуктивных технологий: на пути к преднамеренному (осознанному) родительству

А.В. Гринева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Инновационные технологии в сфере репродукции, включая вспомогательные репродуктивные методики и суррогатное материнство, формируют новые правовые парадигмы, которые нуждаются в детальном исследовании и систематизации. Концепция «преднамеренного» или «осознанного» родительства выходит за рамки классического понимания семейных отношений, создавая уникальную правовую реальность, требующую тщательного анализа. В основе доктрины лежит принцип, согласно которому «намерение и согласие» становятся превалирующими факторами при установлении статуса родителей. В статье анализируется применение данного подхода в контексте суррогатного материнства и вспомогательных репродуктивных технологий и выделяется острая юридическая коллизия между правом на прокреативную свободу в ВРТ и подходом «строгой репродуктивной ответственности» в «традиционном» родительстве. Автор приходит к выводу о необходимости установления критериев «осознанности» при принятии лицами решения стать родителями при различных обстоятельствах (например: при принятии беременной женщиной решения о сохранении беременности, при добровольном установлении отцовства, при заключении договора о суррогатном материнстве). В данной статье особое внимание уделяется исследованию баланса интересов всех участников правоотношений в условиях развития альтернативных форм создания семьи в научных публикациях российских и зарубежных авторов.

Ключевые слова: *родительство, осознанное родительство, преднамеренное родительство, законное родительство, вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство.*

В отечественной [4, с. 212], равно как и в зарубежной, доктрине семейного права неоднократно поднимался вопрос об определении правовой связи между ребенком и его родителями, будь-то биологическими или социальными.

Современное общество переживает фундаментальную трансформацию института семьи и родительства, обусловленную не только субъективными причинами (например, изменением социальных взглядов на институт семьи, нежеланием женщин жертвовать карьерными перспективами, нежеланием мужчин обременять себя

излишней ответственностью по содержанию семьи, обоюдным нежеланием супружеских пар становиться родителями (т.н. движение «чайлдфри»), но и с объективными (например, с проблемами со здоровьем, как у женщин, так и у мужчин, нестабильной экономической ситуацией и т.д.) [5, с. 199]. Подобные тенденции, безусловно, негативно влияют на демографические показатели, что не может не заботить государство, и невольно стимулируют повышение роли публичного интереса в возникновении родительских правоотношений. Так, данные факторы вместе со значительным прогрессом в области вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) порождают необходимость переосмысления традиционных правовых концепций и формирования новых подходов к регулированию отношений, связанных с установлением родительских правоотношений, прежде всего на первоначальном этапе их возникновения, а именно на этапе осознанного, взвешенного желания стать или не стать родителем. Более того законодательство, как правило, не рассматривает намерение, желание и согласие выступать в качестве законного родителя в качестве действительного способа получения статуса родителя с вытекающими из этого обязанностями и правами [20, с. 259]. В лучшем случае можно найти лишь разрозненные примеры такого понимания, но без какого-либо последовательно разработанного правового обоснования. Настоящее исследование направлено на формирование комплексного понимания данного критерия родительских правоотношений с точки зрения отечественной и зарубежной теории семейного права.

Правовая концепция «преднамеренного родительства» тесно связана с понятием «осознанного родительства» (*conscious parenthood*), которое фокусируется на подготовке мужчин и женщин к статусу родителя и последующего качества воспитания ими детей.

Попытки определить существо «осознанного» родительства принимались прежде всего представителями социальных и психологических наук. Например, М.О. Ермихина определила «родительство» как «осознание духовного единства с брачным партнером по отношению к своим или приемным детям, представляющее собой интегральное психологическое образование личности, включающее совокупность ценностных ориентаций родителя, установок и ожиданий, родительских чувств, отношений и позиций, родительской ответственности и стиля воспитания» [2, с. 7]. Пока некоторые авторы отмечали «осознанность» в качестве базового, неотъемлемого когнитивного компонента родительства [3, с. 15], другие вовсе настаивали на возможности целенаправленного формирования осознанного родительства посредством различных тренингов [2, с. 21].

Самым очевидным полем для проявления осознанности при репродуктивном выборе стал вопрос применения ВРТ, в частности, обращения к суррогатному материнству. Так, А.Х. Ульбашев [9, с. 146],

Е.В. Стеблева [6, с. 15], описывая природу договора о суррогатном материнстве, отмечали, что его целью является реализация родительских прав граждан и восполнение их репродуктивных функций. А.Н. Тихонов же настаивал на направленности волеизъявления сторон при заключении данного договора и отмечал, что «вступая в отношения суррогатного материнства, супружеская пара или одинокая женщина желают стать родителями рожденного суррогатной матерью ребенка, что вполне соответствует ст. 2 СК РФ» [8, с. 57]. Таким образом, первоначальным катализатором возникновения родительских правоотношений все же выступает некое «осознание», «желание» и «намерение» познать радости материнства или отцовства.

Переход к модели преднамеренного родительства создает путь к обеспечению того, что дети, появившиеся на свет, были «преднамеренными» и, следовательно, «желанными» (*intended and wanted*). Это крайне важно, поскольку имеющиеся исследования свидетельствуют о том, что «желанные дети лучше приспособлены для успешной и здоровой жизни» [17, с. 299].

Исторически вопросы «материнства» считались биологически определенными (по факту рождения) [17, с. 263; 16, с. 636], а «отцовство» предполагалось лишь в браке [17, с. 261], однако, за последние десятилетия ВРТ вызвали драматические и быстрые изменения, которые подвергли сомнению наше глубочайшее представление о том, что значит быть родителем.

В ответ на эти вызовы возник правовой конструкт, известный как «преднамеренное родительство» («*intentional parenthood*»), предполагающий, что юридический статус родителя должен быть присвоен любому лицу, которое «намеревается, желает и соглашается» стать законным родителем ребенка, независимо от способа зачатия (половым путем или с помощью ВРТ), а также наличия или отсутствия биологической или генетической связи с эмбрионом или плодом [21, с. 4, 12]. Так, научный прогресс и активное развитие государствами ВРТ, таких как донорство яйцеклеток, спермы и суррогатное материнство, позволило «разделить генетические, гестационные (связанные с вынашиванием) и социальные аспекты родительства» [15, с. 672].

Первой попыткой правового анализа данной концепции, что впоследствии начало обсуждаться среди зарубежного академического сообщества [19, с. 467; 22, с. 297], стало исследование Марджори М. Шульц, которая отстаивала закрепление родительских прав и обязанностей на основе согласованных ожиданий («*bargained-for expectations*») и вызванного доверия («*induced reliance*») [25, с. 297]. Впоследствии такой подход иногда начали определять как «установление родительства по соглашению» («*determining legal*

parenthood by agreement», DLPBA). Данный способ достаточно справедлив, гибок и подходит для решения современных дилемм, возникающих в связи с ВРТ [15, с. 4].

В свете перехода от традиционного суррогатного материнства к гестационному, невольно начало меняться и отношение американских судов к установлению статуса родителя [24, с. 121–122].

Верховный суд Калифорнии в деле *Johnson v. Calvert* [12] часто упоминается как «инициатор доктрины преднамеренного родительства» [16, с. 636]. Супруги Марк и Криспина Калверт хотели иметь ребенка, однако Криспина Калверт перенесла гистерэктомию (удаление матки) и не могла выносить ребенка, но при этом сохраняла способность производить яйцеклетки [16, с. 638]. Стороны заключили договор о суррогатном материнстве с Анной Джонсон, которая должна была выносить и родить оплодотворенного *in vitro* (в пробирке) эмбриона, состоящего из генетического материала Калвертов. Согласно данному соглашению, Анна Джонсон должна была отказаться от любых родительских прав, а Калверты должны были стать законными родителями ребенка, при этом Джонсон должна была получить 10 000 долларов за свои услуги. Однако, во время беременности отношения между суррогатной матерью и заказчиками испортились, и каждая сторона обратилась в суд с требованием объявить себя законным родителем (*declaration of parentage*). Так перед судом впервые в американской практике встал вопрос о том, как определить законную мать в ситуации, когда «генетическое» и «гестационное» материнство были разделены между двумя разными женщинами [15, с. 672–673].

Суд установил, что обе женщины представили «приемлемые доказательства своего материнства» в соответствии с законом Калифорнии о родителстве: материнство Джонсон основывалось на принципе *mater est quam gestatio demonstrat*, т.е. материнство доказывается вынашиванием и родами, а Калверт – на основании генетического материала, использованного при создании эмбриона. Поскольку Суд отклонил возможность установления законного материнства для обеих женщин, необходимо было выбрать лишь одну из них. Так, основанием для предпочтения генетической матери – Калверт – стало не просто биологическое родство (хотя оно присутствовало), а намерение зачать ребенка и воспитать его, которое было выражено четко и явно в договоре о суррогатном материнстве. В то время как суррогатная мать – Джонсон – лишь оказывала возмездную услугу по вынашиванию плода и первоначально, при заключении договора, не имела намерений стать матерью данного ребенка.

Таким образом, дело *Johnson v. Calvert* стало поворотной точкой, поскольку «воля» и «намерение» создать и воспитать ребенка стали считаться достаточным основанием для установления юридического

родительства, когда биологические факторы оказываются спорными или вовсе не применимыми.

Последующие дела, рассмотренные судами в Калифорнии, расширили применение DLPBA. Так, в деле *Buzzanca v. Buzzanca* [11] супружеская пара, страдавшая от бесплодия, приняла решение завести ребенка с помощью ВРТ. Для этого были привлечены донор спермы и донор яйцеклеток; в лабораторных условиях созданы эмбрионы; один из эмбрионов перенесен суррогатной матери, которая согласилась выносить ребенка по договору. Таким образом, ни один из супругов не имел генетической связи с будущим ребенком. Тем не менее, на момент заключения договора о суррогатном материнстве пара находилась в браке и совместно выражала твердое намерение стать родителями.

Однако, ситуация обострилась, когда, уже во время беременности суррогатной матери, супруги приняли решение о разводе. После расторжения брака муж заявил, что не признает себя отцом ребенка, поскольку у него отсутствует биологическое родство с плодом. Он также отказался нести финансовые обязательства по содержанию ребенка, в частности, выплачивать алименты. Жена, напротив, настаивала на том, что ребенок был зачат в рамках их совместного плана по созданию семьи, и оба супруга должны нести родительские обязанности. Она опиралась на условия договора с суррогатной матерью, где четко указывалось, что последняя и ее супруг не претендуют на родительские права.

Суд первой инстанции, рассматривая дело, принял во внимание два ключевых обстоятельства: отсутствие генетической связи между каждым из супругов и ребенком и условия договора, исключавшие суррогатную мать и ее мужа из числа потенциальных родителей [18, с. 494]. На основании данных фактов суд пришел к выводу, что ни одна из сторон (включая бывших супругов) не может считаться законными родителями ребенка. В результате муж был освобожден от обязанности выплачивать алименты [15, с. 673].

Однако, апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции, сформулировав принципиально новый подход к определению родительства в случаях применения ВРТ. Суд указал, что:

- родительство не сводится исключительно к биологическому родству – решающую роль играет намерение лиц стать родителями;
- супруги инициировали всю цепочку событий, приведших к рождению ребенка: от выбора ВРТ до заключения договора с суррогатной матерью;
- отсутствие генетической связи не отменяет родительских прав и обязанностей, если лица осознанно и добровольно участвовали в процессе создания семьи.

Суд подчеркнул, что без волеизъявления супружеской пары зачатие и рождение ребенка были бы невозможны [19, с. 482]. Именно их

намерение и активные действия (выбор донора, оплата процедур, заключение договора) создали юридическую основу для признания их родителями.

Впоследствии концепция преднамеренного родительства была закреплена в различных законодательных актах США, наиболее известным из которых является Закон о единообразном родительском праве (Uniform Parentage Act, UPA) [10]. Этот закон, принятый в нескольких штатах, гласит, что лицо, которое дает согласие на вспомогательную репродукцию «с намерением быть родителем» зачатого таким образом ребенка, является родителем этого ребенка [17, с. 268]. Более того, намерение должно быть доказано посредством «четкого и убедительного доказательства явно выраженного соглашения» между супругами; либо посредством фактических доказательств, к примеру, что стороны «жили вместе и представляли себя родителями» в течение первых двух лет жизни ребенка [17, с. 268].

Несмотря на отсутствие пока в российской теории права трудов, в полной мере осветивших бы критерии «осознанности» и «преднамеренности» возникновения и установления родительского правоотношения, судебная практика уже начала принимать их во внимание. Так, Пленум Верховного Суда РФ, рассматривая практику дел об оспаривании отцовства, выделил в качестве юридически значимого обстоятельства не только «добровольность» согласия отца будущего ребенка на применение метода искусственного оплодотворения, но и на «осознанность» такого согласия [1]. Вместе с тем, как именно определяется данный критерий ни Верховный Суд РФ, ни практика судов общей юрисдикции пока этого не раскрывают.

Концепция преднамеренного родительства в широком смысле защищает право репродуктивного выбора, т.е. право свободно и ответственно принимать решения, касающиеся репродуктивного и сексуального здоровья мужчины и женщины, включая планирование семьи и рождение детей.

При принятии женщиной решения о сохранении беременности, намерение играет двоякую роль: оно может как поддерживать идею родительства через желание сохранить плод, так и отрицать его через намерение провести искусственное прерывание беременности. Так, у беременной женщины, согласно российскому законодательству, есть право самостоятельно оценить свои намерения стать матерью плода в течение первых 12 недель беременности и принять взвешенное и осознанное решение о сохранении или прерывании беременности.

Намерение гестатора (т.е. беременной женщины) должно определять не только ее правовой статус как родителя, но и права плода [17, с. 295]. Так, если женщина намеревается выносить плод, тогда все правовые меры защиты плода *in utero* должны проистекать из этого намерения. Российская доктрина не приемлет концепции

правоспособности nasciturуса [7, с. 55], но его интересы охраняются косвенно – через льготы беременным женщинам, прямо – через установление гражданско-правовых возможностей, например, в институтах наследования (ст. 1116 Гражданского кодекса РФ) или возмещения вреда по случаю потери кормильца (ст. 1088 Гражданского кодекса РФ). Более того, право на естественное биологическое происхождение квалифицируется как одно из фундаментальных и включает обеспечение возможности «знать своих биологических родителей» и свою семейно-генетическую историю.

Однако, наличие у женщины права на прерывание беременности может частично или полностью нивелировать право nasciturуса родиться [7, с. 55]. Если женщина не желает продолжать беременность, то ни мужчина – потенциальный отец ребенка, ни государство не должны иметь никаких прав в отношении существования такого плода. Таким образом встает вопрос об игнорировании законодательством и судебной практикой намерений мужчины осуществить свою репродуктивную свободу при традиционном (естественном) зачатии, поскольку как правило, закон рассматривает половой акт как «принятие на себя риска воспроизводства» (assumed the risk of reproduction) [17, с. 273; 18, с. 500].

Данная политика в значительной степени привела к появлению «нежелательного родительства» [23, с. 162], и подобный подход к установлению отцовства негативно влияет на психику ребенка, который не получает всех благ от отца, который не намерен был таковым становиться, нежели от гипотетического мужчины, желавшего и предпринявшего какие-либо действия по приобретению статуса отца. Отсюда вытекает спорность запрета на расторжение брака в первый год жизни ребенка, который якобы направлен на заботу о родившей женщине и новорожденном ребенке. В связи с этим встает вопрос, если нас действительно волнуют интересы детей, почему мы предполагаем, что детям будет лучше с нежелающими и отрицающими свое отцовство мужчинами, которые в силу каких-то обстоятельств не намерены осуществлять свои родительские функции по отношению к ребенку, рано или поздно добьются расторжения брака и покинут семью? Возможно, вместо того, чтобы принуждать людей оставаться в нежелательных супружеских и родительских отношениях исключительно по соображениям защиты интересов детей, следует сосредоточиться на предоставлении большей финансовой поддержки, субсидировании ухода за детьми или инвестировании в эффективное государственное образование.

Нельзя не отметить прогрессивность американского подхода, поскольку Закон о единообразном родительском праве США 2017 г. поддерживает широкий взгляд на свободу репродуктивного выбора, поскольку его положения предусматривают «желание», независимо от

наличия биологической связи с плодом, стать родителем ребенка на законных основаниях.

Примечательно, что игнорирование нежелания мужчины становиться отцом в большей степени проявляется при традиционном способе зачатия, в то время как ситуация при использовании ВРТ в корне меняется, даже если речь идет о супружеской паре, и присутствует вероятность последующего развода такой пары.

Данная идея ясно прослеживается и в судебной практике национальных судов США. В отличие от подхода, когда намерение используется для установления родительства (см. дело *Buzzanca*), в случае конфликта интересов будущих родителей суды часто отказываются принуждать к родительству.

В рамках бракоразводных процессов, затрагивающих вопросы вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), суды сталкиваются с крайне деликатной задачей – определением судьбы замороженных эмбрионов и установлением родительских прав и обязанностей сторон по отношению к потенциальному потомству. Данная сфера правоприменения остается слабо регламентированной на законодательном уровне, что вынуждает суды прибегать к судебной дискреции.

Если в случае развода один из партнеров отзывает свое согласие на ВРТ и требует уничтожения генетического материала, т.е. явным образом демонстрирует намерение не становиться отцом или матерью, а другой настаивает на его сохранении для последующего рождения ребенка – намерение стать родителем, суды должны стремиться к соразмерному балансу.

Прекрасной иллюстрацией служит дело *A.Z. v. B.Z.* [13], рассмотренное Верховным судом Массачусетса. Пара заключила соглашение, позволявшее женщине продолжить лечение бесплодия через имплантацию эмбрионов. После развода муж отозвал согласие на использование эмбриона, содержащего его генетический материал при ВТР, заявив об отказе от родительства [19, с. 483–484]. Суд отказал в принудительном исполнении положений договора, мотивируя решение государственной политикой: «Мы [не будем] приводить в исполнение соглашение, которое вынудило бы одного из доноров стать родителем против его или ее воли» [13].

Аналогичный подход продемонстрировал Верховный суд Нью-Джерси в деле *J.V. v. M.V.* [14], где уже женщина отказалась от родительских обязательств и расторгла соглашение, предусматривавшее возможность продолжения рода ее мужем после развода. Суд постановил, что договоры, касающиеся семейных отношений, брака или родительства, не могут принудительно применяться к лицам, пересмотревшим свои решения [15, с. 664–665].

Таким образом, зарубежная судебная практика демонстрирует четкую тенденцию: даже при наличии предварительных договоренностей между супругами о намерении стать родителями, которое облачено в «букву» договора о суррогатном материнстве, ни один американский суд не готов принудительно возлагать на человека родительские обязанности против его воли. Это создает определенный правовой дисбаланс, особенно в контексте доступности ВРТ.

Связь биологического отцовства с обязанностью выплачивать алименты усиливает неравенство в установлении родительских прав – в отличие от традиционных методов зачатия, использование репродуктивных технологий дает сторонам больше возможностей для осознанного выбора. Решение этой коллизии требует выработки подходов, обеспечивающих равенство прав всех родителей независимо от способа зачатия и материального положения. Одним из способов обеспечения баланса, по мнению автора, является законодательная гарантия того, что родительство для лица, отозвавшего согласие на ВТР, будет только фактическим (генетическим), по аналогии с «родительством» донора генетического материала, и не будет порождать никаких правовых последствий. Так будут учтены желания родителя, намеревающегося продолжить род, а так же родителя, который утратил интерес и желание по продолжению рода.

Концепция преднамеренного родительства является адаптивным и революционным ответом на современные вызовы ВРТ, привнося в определение родительства элемент сознательного выбора и воли. Доктрина обеспечивает юридическую определенность там, где биологические связи разорваны, и, что особенно важно, гарантирует, что ребенок является «желанным». Тем не менее, полная реализация потенциала преднамеренного родительства сдерживается сохраняющимся противоречием между подходом, основанным на намерении в ВРТ, и подходом, основанным на генетической и гестационной связи, характерной для традиционных подходов семейного права. Для дальнейшего развития теории родительства необходимо принять родительство не только как пороговое явление (т.е. начало прав и обязанностей), но и как явление динамическое, претерпевающее многообразные видоизменения, касающиеся существования семьи и воспитания ребенка. Таким образом «намеренными родителями» должны признаваться лица, которые:

- 1) желают и намереваются стать родителями до зачатия ребенка, при этом они считают и будут считать его своим собственным;
- 2) принимают морально и юридически допустимые меры в соответствии с этим намерением, что приводит к зачатию ребенка;
- 3) обладают намерением и способностью заботиться о ребенке.

Для будущего юридического регулирования, особенно в контексте новых технологий, «намерение» должно стать универсальной основой

для установления статуса законного родителя независимо от метода зачатия, биологического или генетического родства субъекта с получившимся эмбрионом или плодом. Установление родительства, основанного на намерениях, по нашему мнению, позволит повысить «авторитет» родительства как социально-правового института.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». П. 30 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.
2. Ермихина М.О. Субъективно-психологические факторы формирования родительства : автореф. дис. ... канд. псих. наук. Екатеринбург. 2003. 22 с.
3. Комарова И.А, Пойда О.В. Феномен осознанного родительства: теоретический и практический аспекты: учебно-методические материалы // Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова. 2014. 108 с.
4. Комиссарова Е.Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 56. С. 208-238. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-56-208-238.
5. Муратова С.А. Законодательное регулирование и правовая природа договора суррогатного материнства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 198–202. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-6-198-202>
6. Стеблева Е.В. Проблемы реализации прав участников отношений суррогатного материнства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 18 с.
7. Тарусина Н.Н. Несколько тезисов о «праве родиться» // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 5. С. 52–62. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.174.5.052-062.
8. Тихонов А.Н. Некоторые аспекты правового регулирования отношений суррогатного материнства // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 56–64. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_56.
9. Ульбашев А.Х. Договор суррогатного материнства как согласование воли в семейном законодательстве Беларуси, Казахстана и России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2018. № 2. С. 140–146.
10. Uniform Law Commission. Uniform Parentage Act. 2017) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uniformlaws.org/committees/community-home/librarydocuments?LibraryKey=7bd3aca3-acc5-4e17-bccd-e8eceb818b11&5a583082-7c67-452b-9777-e4bdf7e1c729=eyJsaWJyYXJ5J5ZW50cnkiOiI4NzA5ZjI0YS1mNTRmLTQzMtGtYmQ2Yy0wMThkM2Q4ZGRmNWUifQ%3D%3D> (дата обращения: 23.01.2026).
11. California Court of Appeals. In re the Marriage of Buzzanca v. Buzzanca. 72 Cal. Rptr. 2d 280. 61 Cal.App.4th 1410; Decision of 10 March 1998.
12. California Supreme Court. Calvert v. Johnson. 851 P.2d 776. Decision of 20 May 1993.

13. Massachusetts Supreme Judicial Court. *A.Z. v. B.Z.* 725 N.E.2d 1051,1059. Decision of 31 March 2000.

14. Supreme Court of New Jersey. *J.B. v. M.B.* 783 A.2d 707. Decision of 14 August 2001.

15. Apel S. Cryopreserved embryos: A response to «forced parenthood» and the role of intent // *Family Law Quarterl.* 2005. Vol. 39. No. 3. P. 663-681.

16. Douglas G. The Intention to be a parent and the making of mothers // *The Modern law review.* 1994. Vol. 57. P. 636-641.

17. Hermer L. Intentional parenthood, contingent fetal personhood, and the right to reproductive self-determination // *University of Michigan Journal of Law Reform.* 2024. Vol. 57. No. 2. P. 259-299.

18. Jacobs M. Intentional parenthood's influence: rethinking procreative autonomy and federal paternity establishment policy // *American University Journal of Gender Social Policy and Law.* 2020. Vol. 20. No. 3. P. 489-508.

19. Jacobs M. Parental parity: intentional parenthood's promise // *Buffalo Law Review.* 2016. Vol. 64. No. 3. P. 465-498.

20. Margalit Y. Determining legal parentage - between family law and contract law // Cambridge University Press. 2019. 334 p. DOI:10.1017/9781108525329.

21. Margalit Y. The brave new world of intentional parenthood // *Family Court Review.* 2025. P. 1–25. DOI: 10.1111/fcre.12853. NeJaime D. Family law in a changing America // Aspen Publishing, 2024. 2nd ed. - 1048 p.

22. Pralat R. Parenthood as intended: Reproductive responsibility, moral judgements and having children «by accident» // *Social Review.* 2020. Vol. 68(1). P. 161-176. DOI: 10.1177/0038026119868643.

23. Scott E. Surrogacy and the politics of commodification // *Law and Contemporary Problems.* 2009. Vol. 72. No. 3. P. 109-146.

24. Shultz M. Reproductive technology and the intent-based parenthood: an opportunity for gender neutrality // *Wisconsin law review.* 1990. Vol. 2. P. 297-398.

Об авторе:

ГРИНЕВА Анна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94), SPIN-код: 2936-2603, e-mail: annagrין@rambler.ru

The legal status of parents in the era of new reproductive technologies: towards intentional parenthood

A.V. Grineva

Southwest State University, Kursk

Innovative technologies in the field of reproduction, including assisted reproductive techniques and surrogacy, are forming new legal paradigms that need detailed research and systematisation. The concept of «intentional» or «conscious» parenthood goes beyond the classical understanding of family relations, creating a unique legal reality that requires careful analysis. The

doctrine is based on the principle that «intention and consent» become the predominant factors in determining the status of parents. The article analyzes the application of this approach in the context of surrogacy and assisted reproductive technologies and highlights the acute legal conflict between the right to procreative freedom in ART and the approach of «strict reproductive responsibility» in «traditional» parenting. The author comes to the conclusion that it is necessary to establish criteria for «consciousness», when individuals decide to become parents under various circumstances (for example, when a pregnant woman decides to remain pregnant, when voluntarily establishing paternity, when concluding a surrogacy agreement). In this article, special attention is paid to balance of interests of all participants in legal relations in the context of the development of alternative forms of family formation in scientific publications by Russian and foreign authors.

Keywords: *parenthood, conscious parenthood, intentional parenthood, legal parenthood, assisted reproductive technologies, surrogate motherhood.*

About author:

GRINEVA Anna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Southwest State University (305040, Kursk, st. 50 years of October, 94), SPIN-code: 2936-2603, e-mail: annagrין@rambler.ru

Гринева А.В. Правовой статус родителей в эпоху новых репродуктивных технологий: на пути к преднамеренному (осознанному) родительству // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 43–54.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.